

**Способы выражения оценки в русском и китайском языках (по материалам романа Л.
Улицкой «Медя и ее дети» и его перевода на китайский язык)**

М. Д. Воейкова, И. Ван¹

1. Введение. Семантика оценки, история ее изучения в русском языке и проблема сопоставления

Интерес к сопоставительному анализу оценочного значения в русском и китайском языках обоснован тем, что оценка как отражение ценностных ориентаций является, с одной стороны, универсальной категорией, а с другой стороны, в разных языках мира она выражается своеобразно и опирается на специфические внутриязыковые и ценностные ориентиры. На уровне высказывания, в соответствии с формально-семантическими критериями, мы определяем как оценочное любое предложение, которое допускает «безошибочное разногласие» (Umbach 2014). Такие высказывания могут вводиться оператором «X. считает», напр.: *X. считает, что жена чиновника неумна*. Критерий «безошибочного разногласия» допускает продолжение: *А У. считает, что она очень сообразительна*, причем оба высказывания истинны. В этом противоречии отражаются фундаментальные особенности выражения оценки: всё исходит из позиции субъекта. Данный подход оказывается общим для обоих языков.

Согласно мнению английских лингвистов Дж. Томпсон и С. Ханстон, оценка обычно выполняет три функции²:

- (1) выражение мнения говорящего или писателя, в котором отражена система ценностей этого человека и его сообщества;
- (2) построение и поддержка отношения между говорящим и слушающим, писателем и читателем;
- (3) создание структуры дискурса.

В российской лингвистике исследование оценки представляет собой традиционную научную тему. Основными участниками ситуации оценки являются субъект оценки, объект оценки и оценочное отношение, установленное субъектом оценки на шкале «хорошо/плохо», иными словами, семантику оценки можно интерпретировать как «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший/плохой» (Вольф 1985/2014: 5-6). Субъект оценки может выражаться именем существительным, личным местоимением или выводиться из значения

---

¹ Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

М. Д. Воейкова, заведующая отделом теории грамматики ИЛИ РАН, профессор кафедры русского языка СПбГУ. И. Ван, стажёр ИЛИ РАН.

² См. в первоисточнике «These functions are: (1) to express the speaker's or writer's opinion, and in doing so to reflect the value system of that person and their community; (2) to construct and maintain relations between the speaker or writer and hearer or reader; (3) to organize the discourse.» (Thompson, Hunston 2003: 5)

вводных слов, например, *на их взгляд, по-моему*. ИмPLICITное обозначение воспринимающего лица указывает на совпадение субъекта оценки с говорящим/автором, например, в диалоге — *Нравится этот фильм? — Да. Он замечательный*, — или имеется в виду некое общепринятое мнение, например, *Юрий Гагарин — великий космонавт*. Объектом оценки может быть либо конкретное лицо и предмет, либо отвлеченное понятие, либо событие и естественное явление. Их обозначение в языке не ограничено лексическими средствами, ср. придаточное в сложном предложении *Счастье, что мы добрались до дома*. По мнению Н. Д. Арутюновой, «оценка относится к числу собственно человеческих категорий. Она задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием, она задает его мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства» (Арутюнова 1984: 5). Оценка как один из видов субъективной модальности широко встречается в процессе коммуникации. Положительная оценка производится тогда, когда качественные особенности объекта соответствуют норме для индивидуального лица или какого-то класса, а отрицательная оценка рассматривается как отклонение признаков объекта от данной нормы. Однако, негативное отношение субъекта отмечается и в контексте, не подразумевающим отклонения от нормы, например, *Как вам этот салат? — Ни то ни сё*. Здесь отражается подвижный и прагматический характер оценки: в последнем примере отрицательная оценка базируется на отсутствии выраженных признаков.

Оценочное отношение выражено в языке сложным образом. Поэтому М. Н. Кожина определяет категорию оценки как «совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» (СЭС 2003: 139). Это дает основание применить к описанию оценки принцип функционально-семантического поля, предложенный А.В. Бондарко. Под планом содержания функционально-семантического поля понималось обычно семантическое содержание морфологических категорий русского языка, «план выражения образуют языковые средства, относящиеся к разным уровням и сторонам (аспектам) языка — морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические, различные комбинации средств контекста» (Бондарко 2011: 24-26). В данном случае мы будем рассматривать различные средства выражения оценочного значения (шкалу «хорошо/плохо») в русском языке в сопоставлении с китайским.

Разнообразные оценочные средства русского языка рассматривает ряд лингвистов. В. В. Виноградов (Виноградов 1947/1986) и Т. И. Вендина (Вендина 1997) подчеркивали роль словообразования: например, суффиксы *-ок, -ек, -ёк*, (типа *сынок, овражек, конёк*), обозначают положительную оценку; а суффиксы *-ёнк, -ишк* (типа *шубёнка, домишко*) использованы для выражения негативного отношения. На лексическом уровне передача

оценочной коннотации зависит не только от значения самого слова (так, имя существительное *молодец* обычно связано с позитивным суждением субъекта); но и от ситуации оценки. Например, в ситуации оскорбления слово *молодец* также может применяться вместо своего антонима, чтобы создать иронический эффект. Описанию синтаксических средств выражения категории оценки посвящены работы (Золотова 1982; Сердобольская, Толдова 2014; Санников 2015), рассматривающие сложноподчиненные предложения с оценочным предикатом и сентенциальным субъектом, например, *Это хорошо, что ты появился*. Существуют и предложения, выражающие категорию оценки без употребления оценочной лексики, ср. глагольно-пропозициональный фразеологизм *уши вянут* (типа *Иной раз он такое выпалит, что просто уши вянут!* (ФСРЯ 2008: 369)), специально предназначенный для выражения отрицательной оценки. Существуют также специальные отрицательно окрашенные модели предложения, например, структура *где+N₃+инф.* (типа *где мне об учебе думать*), выражающая «уверенное отрицание возможности совершения действия» (Шведова 2003: 240). Подобные модели предложения описываются нами с позиции грамматики конструкций как специализированные оценочные конструкции с элементом обоснования (Ван И-лин 2018; 2019). С. Д. Погорелова и А. С. Яковлева обращают внимание на интонационные и графические способы выражения оценочной модальности. Разумеется, в речи «интонация может полностью изменить смысл одного и того же предложения» (Погорелова, Яковлева 2012: 162), чем обусловлены иронические модификации выражений типа *Ну ты молодец!*, которые в зависимости от интонации могут передавать как положительную, так и отрицательную оценку. В тексте «с целью выделения, привлечения внимания к заключенной в них информации» используются курсив, кавычки, тире и т. п., которые также способны указать на оценочное значение (Там же).

2. Способы выражения оценки в китайском языке и история их изучения

В Китае пристальное внимание к языковым способам выражения оценки проявлялось уже с XX века. Раньше категория оценки изучалась в грамматике китайского языка (Люй Шу-сян 1942; Ван Ли 1985; Гао Мин-кай 1986/2011), в словообразовании (Чжоу Цзянь 1985; Юань Юй-линь 1987; Лю Цзинь 1993) и с позиций стилистики (Чжан Чжи-гун 1996), однако методы анализа ограничивались узкими областями и работ, посвященных оценке, было немного. В последние двадцать лет наблюдается углубленное исследование особенностей оценки в различных частях речи. Так, в именах существительных оценочный оттенок формируется с помощью метафоры, когда душевные качества метафорически рассматриваются как предметы обладания (Ли Сянь-инь 2012). Автор статьи рассматривает человека как контейнер, в котором находятся метафорически опредмеченные свойства, см. (1):

(1) 那 个 小 孩 有 志 气. (Там же: 83)

Тот CLF ребёнок имеет целеустремленность (букв.).

Тот ребёнок целеустремленный.

Так как когнитивная метафора контейнера приписывает сочетанию 有志气 *ю чжи ци* 'иметь целеустремленность' значение «выражение данного качества в большой мере», сочетание глагола 有 *ю* 'иметь' с существительными такого типа обычно функционирует как прилагательное с положительным смыслом и может сочетаться с наречием степени 很 *хэнь* 'очень/весьма'.

В качественных прилагательных имплицитно присутствует представление о мере признака, или категории количественности.. Высокая мера выражения какого-либо признака обычно является средством выражения положительной или отрицательной оценки. Поэтому указание на меру признака в любой форме потенциально связано с оценкой. Так, редупликация некоторых прилагательных считается средством выражения субъективности (Шао Цзин-минь 2016), ср. (2):

(2) 眼 睛 大 大 的. (Там же: 7)

Глаза большие-большие AUX (букв.).

Глаза очень большие.

Дублирование прилагательного 大 *да* 'большой' в (2) подчеркивает нежное, ласкательное отношение говорящего к описываемому объекту. Другим способом выражения меры признака служит сочетание прилагательных с наречием 太 *тай* 'очень/слишком', которое может приводить к изменению оценочной характеристики на противоположную (Шао Цзин-минь 2007), ср. (3):

(3) 他 呀, 实 在 是 太 聪 明 了, 赔 了 夫 人 又 折 兵. (Там же: 8)

Он же, действительно AUX очень умный AUX, теряет AUX жену и теряет войско (букв.).

Он же был слишком умный: потерял и жену, и войско.

Здесь отрицательный оттенок обозначается прилагательным с положительным значением, употребленным в ироническом смысле. Ирония выражена при помощи контекста и наречия степени 太 *тай* 'очень/слишком', передающего смысл «перебор также плох».

Контексты с наречиями степени: 还 *хай* 'ещё' (У Го 2009), 最 *цзуй* 'наиболее' (Чжан И-шэн 2017) часто выражают оценочную модальность, ср.(4)-(5):

(4) 都 三 十 八 了, 还 不 大? (У Го 2009: 327)

Уже тридцать восемь AUX, ещё не старый? (букв.).

Уже тридцать восемь, а оказывается, ещё молодой?

Употребление наречия 还 *хай* 'ещё' подчеркивает неожиданность умозаключения для говорящего лица. В данном случае подразумевается и его отрицательная оценка, т.к. человек в

возрасте тридцати восьми лет считается в норме уже не самым молодым.

(5) 最 男人 的 城市. (Чжан И-шэн 2017: 21)

Наиболее мужчина AUX город (букв.).

Наиболее мужественный город.

Здесь сочетание наречия 最 *цзуй* ‘наиболее’ с именем существительным 男人 *нань жэнь* ‘мужчина’ маркирует изменение частеречной принадлежности последнего слова: оно становится прилагательным, при помощи которого город сравнивается с мужчиной, наделяется мужскими качествами. При этом подчеркиваются те характеристики мужчины, которые воспринимаются положительно. Аналогичные случаи встречаются и с наречием 很 *хэнь* ‘очень/весьма’, например, глагол 燃 *жань* ‘жечь’ в словосочетании 很燃 *хэнь жань* ‘быть вдохновленным’ понимается как прилагательное с положительным значением, что тесно связано с «синтагматическими отношениями и порядком слов китайского языка» (Чжан И-шэн 2019: 6).

Наречию 瞎 *ся* ‘понапрасну’ (Ван Чжи-ин 2012) свойственна негативная семантика, ср. (6):

(6) (她)什么事都爱 瞎 猜 一 气. (Там же: 53)

(Она) какое-либо дело всё любит понапрасну гадать один CLF (букв.).

Она всегда любит понапрасну гадать о чём-либо.

Специальные глаголы с оценочным значением изучались на основе «Словаря глаголов китайского языка» (Сяо Я-вэнь 2015). В результате описаны семантические особенности девяти оценочных глаголов, которые могут встречаться в двух специальных синтаксических структурах. Ср. (7)-(8):

(7) 王占林在众人面前由衷地表扬起自己的妻子. (Там же:16)

Ван Джаньлин находится перед людьми искренне AUX хвалит AUX свою AUX жену. (букв.)

Ван Джаньлин перед людьми начал искренне хвалить свою жену.

(8) (季老)把他们的创作狠狠批判了一通. (Там же:19)

(Цзи старина) AUX их AUX творчество крепко-крепко критикует AUX один CLF. (букв.)

(Старина Цзи) жёстко раскритиковал их творчество.

Подробно описан и глагол 好 *хао* ‘любить/дружить/дорожить/предпочитать’. В работе (Тао Шуан 2013) это слово рассматривается как модальный глагол, и разделяются три случая его употребления. Например, этот модальный глагол может употребляться вместо наречия *легко* в (9):

(9) 在县城不比家里 好 凑合. (Там же: 23)

В уездном городе не AUX дома легко справиться (букв.).

Жить в уездном городе труднее, чем дома.

Подробно анализируются случаи употребления частицы 啊 *a* в сочетании с разными глаголами (Ван Минь-фэн, Цуй Си-лян 2020), ср. (10)-(11):

(10) 凑 啊, 凑 啊, 凑 了两三个月, 我才凑了十块钱. (Там же: 36)

Собирает *a*, собирает *a*, собирает AUX два три CLF месяца, я только собирает AUX десять юаней (букв.).

Собирал и собирал, через месяца два или три я тогда только подсобрал десять юаней.

(11) 在这麦地里 蹦 啊, 跳 啊, 互相追逐. (Там же: 35)

В этом пшеничном поле прыгают *a*, скачут *a*, друг за другом гонятся (букв.).

Дети ещё более веселые, в этом пшеничном поле прыгают и гоняются друг за другом.

В предложении (10) конструкция «V+ 啊 *a*» дублируется, чтобы подчеркнуть долгое время совершения действия *собрать* и усилить отрицательную эмоцию. А в случаях типа (11) проявляется положительная оценка, поскольку применяется слово с хорошим смыслом *веселые* и описываются разные действия *прыгать* и *гнаться*. Как видно из примеров, одно и то же слово в китайском языке может усиливать и положительное, и отрицательное впечатление. Иными словами, выражение оценки в китайском языке связано не столько с самим выбором лексики, сколько с ее комбинациями с другими словами и стереотипным для языковой культуры представлением о хорошем и плохом.

В последнее время появились многочисленные работы, ориентирующиеся на описание оценочных конструкций. Например, схема «算 *суань* ‘считаться’+个 [ɛə]+каким-то+X³» (Фэн Ли, Чэнь Юй 2019) передает отрицательное отношение к субъекту, но это значение не выводится из поверхностной структуры предложения, ср. (12):

(12) 那 算 个 什么 父亲 呢? 我连他的样子都记不清了. (Там же: 107)

Тот считается CLF каким-то отцом же? Я даже его AUX вид и то помню не ясно AUX (букв.).

Он не достоин быть отцом. Я даже плохо помню, как он выглядит.

Такой анализ синтаксических средств с оценочной коннотацией выполнен по образцу западных грамматических и семантических теорий, в данном случае, грамматики конструкций (Goldberg 2006).

В нашей работе мы стараемся описать основные способы выражения оценки в русском и китайском языках с позиций функциональной грамматики и сравнить речевые реализации этих способов на материале параллельных текстов. Т. В. Маркелова полагает, что система многоплановых способов выражения оценки воспринимается как «функционально-семантическое поле с ядром (Я одобряю X; Считаю, что X — хороший) и периферией (X как X! Ну и X! Какой X!)» (Маркелова 2013: 6). Наше изучение оценки с

³ В позиции «X» выступают имени существительные и некоторые прилагательные, редко встречается словосочетание или клауза (Фэн Ли, Чэнь Юй 2019:106).

функциональных позиций не вполне разделяет эту точку зрения, потому что все перечисленные способы выражают оценку параллельно с каким-то другим значением, что не соответствует определению ядерных элементов в функциональной грамматике (Бондарко 2011: 79). Представляется, что функционально-семантическая категория оценки опирается в русском языке на лексическо-синтаксическое ядро — прилагательные и наречия с оценочным значением в функции предиката синтаксических конструкций. Как периферийный элемент этого поля мы рассматриваем специальные оценочные конструкции (Ван И-лин 2019).

В кандидатской диссертации Ван Сяо-цзюнь впервые описывалась система средств и способов выражения субъективно-модальных значений в русском и китайском языках, и подчеркивался тот факт, что «в русском языке разграничение модальности и оценочности оказывается более характерным, чем в китайском языке, в котором модальные и оценочные характеристики высказываемого представляют собой нередко единое целое» (Ван Сяо-цзюнь 2010: 8-9). Поэтому важную роль в формировании китайской категории оценки играют неспециализированные языковые приёмы. Ян Цзя-шэн описал некоторые грамматические средства выражения оценки китайского языка в сравнении с русским языком (Ян Цзя-шэн, 2012). А Цун Я-пин проанализировала слова с эмоционально-оценочной коннотацией в двух языках с точки зрения лингвокультурологии (Цун Я-пин 2016). Наше исследование учитывает результаты их работ.

Материалом для анализа послужили роман «Медея и её дети» и его перевод на китайский язык. Л. Е. Улицкая, первая женщина-лауреат премии «Русский Букер», известна не только в России, но и во всем мире. Популярность ее творчества в Китае уже отмечалась исследователями (Чжао 2019). Литературоведы обращают внимание на то, что «тончайшие проявления человеческой природы и детали быта выписаны у нее с особой тщательностью. Её повести и рассказы проникнуты совершенно особым мироощущением, которое, тем не менее, оказывается близким очень многим» (Литературный клуб, электронный ресурс). Рассматриваемый роман занимает центральное место в творчестве писательницы, входит в «Программу перевода и издания произведений российской и китайской литературы» и был впервые переведен на китайский язык в 1999 г. (Ли Ин-нань, Инь Чэн 1999), а второй раз был опубликован в 2015 г., что лишний раз доказывает его популярность среди китайских читателей.

3. Способы выражения оценки в романе Л. Е. Улицкой и его китайском переводе

Роман Л.Е. Улицкой «Медея и её дети» отличается авторскими особенностями выражения оценки. Оценочные суждения в нем немногочисленны (около 500 примеров); автор как бы принимает роль бесстрастного повествователя, нейтрально передавая цепь событий и не пытаясь навязать читателю свои моральные суждения. В литературоведческих работах отмечены две основные тенденции: с одной стороны, автор не стремится дать однозначную

моральную оценку поведения героев, авторское повествование отличается «полицентризмом», маскируется под рассказ от первого лица, иногда перебиваемый объективным повествователем (Григорь 2012: 9). С другой стороны, исследователи отмечают, что основным морально-этическим критерием в романе выступает «внутренний закон» главной героини Медеи Синопли (Тимина 2003: 544). Эксплицитная оценка чаще относится к мужским персонажам, чем к женским: женщины в романе действуют под влиянием чувства или темперамента, и их поступки не обсуждаются, но создают особое напряжение повествования. Автор подчеркнуто не выносит суждений о действиях молодого поколения героев, о «детях» Медеи, зато иногда позволяет себе оценить поступки старших персонажей, особенно «основателей династий». Главная героиня, Медея, является безусловным моральным эталоном и для более молодых персонажей, и для самого автора. Она сама также воздерживается от каких-либо оценок, как бы демонстрируя особого рода «смирение невмешательства». Ее функция состоит в том, чтобы сгладить последствия дурных поступков, а не предотвратить их. Медея представлена как исцеляющая сила, волшебный помощник своей семьи и отчасти государства, который помогает сохранению традиций и поддержанию жизни маленького сообщества.

Мы различаем оценку на уровне номинации и на уровне высказывания. Оценка на уровне номинации является частью лексического значения слова. Так как китайский язык характеризуется развитой комбинаторикой, оценочные слова часто композициональны, что четко отличает их от соответствующих языковых единиц в русском языке и будет демонстрироваться в дальнейших примерах.

Соответственно, разделяются эксплицитное и имплицитное выражение оценки. Ядро средств выражения оценки составляют специализированные языковые средства, такие как словообразовательные элементы, лексика с оценочным значением и предложения с оценочным предикатом. К периферии выражения оценки относятся некоторые синтаксические фразеологизмы (см. сходное понятие «конструкция»⁴ в теории грамматики конструкций) и фрагменты повествования, построенные в «качественном ключе»⁵ (Воейкова, Пупынин 1996: 54).

3.1 Лексические способы

---

⁴ См. в первоисточнике: «Any linguistic pattern is recognized as a construction as long as some aspect of its form or function is not strictly predictable from its component parts or from other constructions recognized to exist. In addition, patterns are stored as construction even they are fully predictable as long as they occur with sufficient frequency» ('Любая языковая структура признается конструкцией тогда, когда некоторый аспект её формы или функции не может быть строго предсказан на основе её компонентов или других ранее установленных конструкций. Кроме того, некоторые структуры считаются конструкцией, даже если они полностью предсказуемы, поскольку они употребляются достаточно часто') (Goldberg 2006: 5).

⁵ «Здесь имеется в виду тот тип повествования, который получил название «портрет»» (Воейкова, Пупынин 1996: 54). Ориентация повествования приводит к тому, «что в выражении семантики свойства принимают участие такие языковые средства, для которых, вообще говоря, это нетипично» (Там же: 55).

На уровне номинации обозначение оценки опирается прежде всего на имена существительные, имена прилагательные, наречия, глаголы. В параллельных текстах обнаруживается либо полное соответствие этих частей речи, либо их комбинации.

3.1.1 Имена существительные

В нашем материале выделяется ряд имён существительных с оценочным значением, характеризующих человека, ср. (13)-(14)⁶:

(13) Он полный придурок.

他是个十足的 傻帽儿.

Он есть полный AUX придурок (букв.).

(14) Он имеет дело с гением.

他在和一位 天才 打交道.

Он с одним CLF гением имеет дело (букв.).

Здесь имена существительные *придурок* и *гений* представляют собой контекстуальные антонимы, адекватно переведенные китайскими двусложными существительными 傻帽 *ша мао* ‘придурок’ и 天才 *тянь цай* ‘гений’.

Далее рассматриваются комбинации разных частей речи в оригинале и переводе:

(15) Одни оказывались несомненно и навсегда умницами.

能够看出有的孩子无疑 一 辈子 聪明.

Можно заметить некоторых детей без сомнения всю жизнь умных (букв.).

В китайском языке вместо имени существительного с положительным отношением *умницы* употреблено прилагательное 聪明 *цун мин* ‘умные’. При этом в переводе сохраняется актуальное членение русского предложения.

(16) Он мне, наглец, говорит.

他 恬 不 知 耻 地 对 我 说.

Он нагло не зная стыда AUX мне говорит (букв.).

В примере (16) имя существительное *наглец* переведено как наречие *нагло*. В переводе негативное отношение не только сохраняется, но и усиливается благодаря употреблению фразеологического выражения 恬不知耻 *тянь бу чжи чи* ‘нагло, не зная стыда’.

(17) Про него говорили, что он совершает чудеса.

大家都说他 简直 神 了.

Все всё говорят он прямо-таки (становится) богом AUX (букв.).

В китайском предложении выражение 简直神了 *цзянь чжи шэнь лэ* ‘прямо-таки становится богом’ заменяет словосочетание *совершать чудеса*.

Представляется интересным пример (18):

---

⁶ В дальнейшем все примеры ссылаются на роман «Медея и её дети» и его китайскую версию.

(18) Свинья такая, посмел в мой дом прийти!

你 这 个 兔 崽 子 竟 敢 到 我 家 来 !

Ты этот CLF заячий сосунок неожиданно смеешь идти (в) мой дом AUX!
(букв.).

В русском тексте отрицательное значение связано с именем существительным *свинья* в комбинации с модальным глаголом *посметь*. А в китайском предложении употребляется многосложное слово 兔崽子 *ту цзэй цзи* ‘заячий сосунок’ вместо выражения *свинья*, служащего в русском для оскорбительного обращения. В этом отражаются различные оценочные коннотации, связанные с представлением о животных в русской и китайской культурах.

3.1.2 Имена прилагательные

Прилагательные разделяются на два класса: дескриптивные и оценочные. В русском тексте наблюдаются случаи, когда оценочность выражена дескриптивными прилагательными с привычными коннотациями, ср. (19)-(20):

(19) (Он) начал трудовую деятельность в качестве конторского мальчика с кругом нескончаемых и неопределенных обязанностей.

当 上 童 差 ， 开 始 了 他 那 任 务

Занимается детской работой, начинается AUX его та [дела
繁忙、 义务 无边 的 劳动 生涯。
загруженные, обязанности беспредельные] AUX трудовая жизнь (букв.).

В (19) дескриптивное прилагательное *неопределенный* приобретает отрицательный смысл в сочетании со словами *нескончаемый* и *обязанности*, что указывает на чрезвычайно тяжелые обязанности. В китайском языке это подчеркивается лексическими значениями многосложных прилагательных 任务繁忙的 *жэнь-у фэнь манн дэ* ‘дела-загруженные’ и 义务无边的 *и-у-у бянь дэ* ‘обязанности-беспредельные’.

(20) (Он) делал, как казалось из Поселка, большую карьеру.

镇 上 的 人 都 认 定 他 是 青 云 直 上 的 。

Посёлок AUX люди все считают он есть [возвышенный статус прямо вверх]AUX
(букв.).

Здесь китайский фразеологизм 青云直上 *цин юнь джи шан* ‘возвышенный статус прямо вверх’ является эквивалентом русского выражения *делать карьеру*, которое имеет положительную коннотацию. Слово *большой* в китайском варианте передано как *блестящий*.

При переводе на китайский язык наблюдается также замена исходных прилагательных на имена существительные, ср. (21):

(21) Но самое ужасное уже произошло

但 是 最 可 怕 的 事 情 已 经 发 生 了 。

Однако самое ужасное AUX дело уже происходит AUX (букв.).

В русском языке полная форма качественного прилагательного среднего рода способна употребляться как существительное, обозначающее некое явление или предмет. В китайском тексте требуется добавить определяемое существительное в атрибутивное словосочетание; в данном случае им служит двусложное слово 事情 *ши цин* ‘дело’ в (21). Другой способ перевода использован в случаях типа (22):

(22) — Дамский угодник растёт.

“又是一个会讨好女人的。”

Ещё есть один CLF [умеет угождать женщине] AUX (букв.).

В китайском варианте произошёл эллипсис определяемого, но с учётом контекста без труда восстанавливается односложное слово 人 *жэнь* ‘человек’. Подобная неполная структура тесно связана с контекстом, где определяемое уже появилось или стало общеизвестным, и может занимать только конечную синтаксическую позицию в китайском предложении.

В параллельных текстах прилагательные часто переводятся при помощи наречий, ср. (23)-(24):

(23) Она заснула легким, счастливым сном.

她这还是第一次轻松地幸福地入睡。

Она вот ещё первый раз легко, счастливо AUX засыпает (букв.).

(24) Лиза посмотрела на нее умными глазами:

丽莎的眼睛聪明地看了看她。

Лиза AUX глаза умно AUX смотрят AUX смотрят её (букв.).

В исходных русских примерах прилагательные относятся к существительным в творительном падеже, который сам по себе предназначен для выражения образа действия, то есть для наречной функции. В (23) в китайском языке превращение прилагательного 幸福的 *син фу дэ* ‘счастливый’ в наречие 幸福地 *син фу дэ* ‘счастливо’ оказывается адекватным. А в (24), на наш взгляд, перевод становится неудачным, потому что наречия 聪明地 *цун мин дэ* ‘умно’ не существует в китайском языке. С учётом контекста можно его заменить только словом 机灵地 *цзи линь дэ* ‘сообразительно’.

В примере (25) прилагательное переводится как глагольное словосочетание:

(25) Ника заходила, а ты гордая...

尼卡总来, 你端着个架子……

Ника постоянно заходит, ты держишь AUX CLF высокомерие... (букв.).

Китайское выражение 端着个架子 *дуань чжэ гэ цзя цзы* ‘держат высокомерие’ является эквивалентом русского прилагательного *гордая* как по лексическому значению и по субъективной модальности, так и по грамматической функции в предложении.

В русском языке определения могут выражаться не только именами прилагательными, но и

именами существительными в форме родительного падежа. А в китайском оба типа определения обозначены прилагательными со служебной частицей 的 дэ AUX. Исключительный случай представлен в (26):

(26) Невестя откуда взявшееся благородство рук...

优美 的 两 手 不知是怎么长出来的.

Благородные AUX две руки не знают как взяться AUX (букв.).

В русском предложении существительное *руки* в форме родительного падежа выполняет функцию несогласованного определения. В китайском переводе определяемое 优美 *ю мэи* 'благородство' превращается в двусложное прилагательное 优美的 *ю мэи дэ* 'благородные', поскольку объектом оценки становятся руки, а не их признак. В связи с этим меняются и порядок слов, и грамматическая структура.

3.1.3 Наречия

В оригинале используются два типа наречий: одни образуются от качественных прилагательных, другие восходят к относительным прилагательным, включающим элемент оценки, ср. (27)-(28):

(27) С краю стройненько вытянулась Катя.

苗条 的 卡佳靠着边伸开身子.

Стройная AUX Катя прислоняется к краю вытягивает тело (букв.).

В (27) наречие *стройненько* выражает положительное отношение говорящего к объекту оценки, в китайском тексте оно переведено как двусложное прилагательное 苗条 *мяо тяо* 'стройная'.

(28) Вошедшей в дом скандально непорочней.

过来时已有孕在身,

Приходит когда уже беременна при себе,

让 人 丢 尽 了 脸.

заставляет людей потерять AUX достоинство (букв.).

В (28) наречие *скандально*, образованное от прилагательного с отрицательным значением *скандальный*, при переводе замещается глагольной конструкцией 让人丢脸 *жан жэнь дю лян* 'заставлять кого-то потерять достоинство', что только усиливает общую отрицательную оценку. Кроме того, в китайском варианте (28) отмечается большая конкретизация: в русском оригинале не вполне ясно, кто именно страдает от нежелательной беременности — сама героиня или ее близкие. В китайском переводе ответственность ложится на близких.

Другие наречия, не восходящие к прилагательным, используются как показатели степени качества, например, в *очень удачный* и *довольно уродливый*, наречия *очень* и *довольно* позволяют измерить оценочный оттенок в прилагательных. Нужно отметить случая типа (29):

(29) Они дают им слишком много свободы.

他们给孩子的 自由 太 多 了.

Они дают детям AUX свободы слишком много AUX (букв.).

В этом предложении оценка передается имплицитно, т.е. с помощью наречия *слишком* проявляется смысл «перебор также плох». Подобное употребление наречий встречается и в китайском языке, см. односложное наречие 太 *тай* ‘слишком’ в (29).

3.1.4 Глаголы

В русском тексте для выражения оценки применяются специально окрашенные глаголы с оценочным значением, ср. (30):

(30) Самуил Яковлевич немного хорохорился.

萨穆伊尔有些 装 腔 作 势.

Самуил немного держит фасон встает (в) позу (букв.).

В примере (30) русский глагол *хорохориться* переведен китайским фразеологизмом 装腔作势 *чжуан цян цзо ши* ‘держат фасон, вставляют в позу’, который экспрессивно выражает негативное или ироническое отношение к Самуилу.

3.1.5 Частицы

Частица *ну* часто используется как маркер, вводящий оценочную интерпретацию, ср. (31)-(33). Сама по себе она не содержит оценочной семантики, однако сигнализирует о том, что следующее за ней высказывание будет итогом некоторых наблюдений или умозаключений, которые с большой вероятностью имеют отношение к оценке.

(31) — Ну что ты! Он просто очень доброжелательный.

“瞧 你 说 的! 他只不过是好心眼儿。”

Ишь ты говоришьAUX! Он просто есть доброжелательный (букв.).

(32) — Ну и дура ты, Маша!

“你 真 傻, 玛莎.”

Ты весьма глупая, Маша (букв.).

(33) — Ну вот, то на кладбище, то на базар.

“好家伙, 一会儿要上坟, 一会儿又要去集市。”

Вот так, одно время хочет посещать кладбище, одно время и хочет ходить (на) базар (букв.).

Для каждого из трех случаев употребления русской частицы *ну* имеется собственный китайский эквивалент: односложная частица 瞧 *цяо* ‘ишь’ в (31), передающая недовольство говорящего адресатом; наречие степени 真 *чжэнь* ‘весьма’ в (32), усиливающее степень качества; многосложная частица 好家伙 *хао цзя хо* ‘вот так’ в (33), способная эксплицитно выразить испуг, а в данном случае подчеркивающая итог наблюдения. В этом смысле все они косвенно являются показателем оценки, однако принадлежат к периферии оценочных значений.

3.2 Словообразовательные способы

В русском языке в целом словообразовательные элементы играют в выражении оценки второстепенную роль, ср. использование диминутивных суффиксов в (34):

(34) Если не считать плохонького заочного педагогического.

要是不算那个 不 怎么样的 函授师范学历.

Если не считается то CLF никакое AUX заочное педагогическое образование (букв.).

В (34) суффикс *-оньк* употребляется со значением смягчения меры признака, а основная отрицательная оценка передается самим прилагательным *плохой*.

В китайском языке уменьшительно-ласкательное отношение может обозначаться односложным прилагательным *小 сяо* 'маленький' в сочетании с одушевленным именем существительным. В подобных случаях прилагательное рассматривается как префикс перед основой существительного. Такое сочетание может возникать даже в комбинации с именами существительными с отрицательным значением, ср. (35):

(35) Какие милые малышки.

两个 小家伙 挺 可爱的.

Два CLF маленькие человечики крайне милые AUX (букв.).

Здесь морфема *小 сяо* 'маленький' изменяет оценочную коннотацию слова *家伙 цзя хо* 'человечишка', чтобы передать положительное отношение говорящего к *малышам* в исходном русском предложении. В русском языке такая модальность выражается прилагательным *милый* и суффиксом *-ышк(а)*.

В случае (36) суффикс *-еньк* в русском качественном прилагательном не отражен в китайском переводе:

(36) Она очаровательное существо, умненькая, ясная.

她 聪明、 纯真、 美妙.

Она умная, ясная, очаровательная (букв.).

В примере (36) используется эксплицитный и даже избыточный способ выражения оценки тремя прилагательными с положительной коннотацией: *очаровательный, ясный и умный*. В русском языке уменьшительно-ласкательная семантика *умненькая* взаимодействует с этой лексической средой, поэтому при переводе на китайский язык значение суффикса утрачено, но не вызывает у читателя непонимания. По нашим наблюдениям, положительные качественные прилагательные, в отличие от негативных, характеризуются нечёткой градацией степени признака, иными словами, *умненький* может без ущерба замещаться словом *умный*, а *плохонький*, разумеется, считается лучше, чем *плохой*.

Отрицательное отношение может передаваться прилагательным с негативным значением *неприятный* в сочетании с уничижительным суффиксом *-онк(а)*, прибавленным к имени существительному *девочка*, см. случай (37):

(37) Неприятная все-таки девчонка.

这 妞儿 终究不大愉快.

Эта девчонка всё же не очень приятная (букв.).

В китайском языке имя существительное 妞 *ню* 'девчонка' с оскорбительной коннотацией употребляется в зависимости от контекста, в некоторых диалектах данное слово может служить даже ласкательной формой. В этом смысле китайский контекстуальный перевод с оригинальным текстом вполне совпадает.

3.3 Синтаксические способы

Некоторые синтаксические структуры способны выражать оценочное значение как с поддержкой лексических показателей, так и без неё. Предложения типа *ты дура* в (32) определяются как «конструкции включения в класс» (Воейкова, Пупынин 1996: 53), способные передать субъективное суждение с помощью оценочных имён существительных или прилагательных. Все они эксплицитно выражают категорию оценки и совпадают с понятием «безошибочное разногласие».

Степень эксплицитности оценочного значения в них может быть различной, ср. (38)-(41):

(38) Бутонов, какой ты!

布托诺夫, 你真棒!

Бутонов, ты очень хороший! (букв.).

Русское восклицательное предложение в (38) способно выразить оценку при отсутствии специальных показателей. В китайском переводе это эксплицитно обозначается положительным прилагательным 棒 *бан* 'хороший'.

(39) Гораздо лучше, чем ставить зубы.

比起补牙要好得多呀!

Сравнивается AUX ставить зубы бы хорошо AUX более AUX!

(букв.).

В (39) оценка выражена при помощи сравнительной степени качественных прилагательных.

(40) Бросить бы все к черту и купить здесь дом.

抛开一切, 在这里买栋房子, 该多好啊!

Бросится всё, здесь покупается дом, наверное, как хорошо AUX! (букв.).

В примере (40) инфинитивное предложение с частицей *бы* выражает желание и приобретает модально-оценочный смысл, что эксплицитно передается выражением 该多好 *гай до хао* 'наверное, как хорошо' в китайском предложении. Это предложение иллюстрирует высказанную ранее гипотезу Ван Сяо-цзюнь (2010) о тесном слиянии оценочного и модального значения в русском языке. Желание сделать что-то одновременно является знаком положительной оценки в русском языке, а в китайском требуется эксплицитный показатель.

(41) Хорошо бы он с ней роман завел.

他要是跟她搞上 多 好 呀

Он если с ней заводит как хорошо AUX (букв.).

Последний случай понимается как модальный вариант изъявительного придаточного при оценочных наречиях (или словах категории состояния), ср. изъявительное наклонение: *хорошо, что он с ней роман завел*. Предложений такого типа в нашем материале весьма мало.

Имплицитное выражение оценки при помощи меры признака часто встречается при описании человека:

(42) Бутонов сильно возрос в знаниях, умениях и красоте.

布托诺夫在知识、技能和美貌各个方面均

Бутонов в знаниях, умениях и красоте (в)каждой стороне всё
成绩 卓著.

(добивается) успехов замечательных (букв.).

В примере (42) положительная оценка выражается полным предложением со словами, не содержащими оценочного значения (кроме слова *красота*), т.е. сам факт совершенствования Бутонова в положительных умениях, подразумевает его хорошие признаки. В китайском тексте эта модальность эксплицитно передается словосочетанием 成绩卓著 *чэн цзи чжо чжу* '(добиваться) замечательных успехов', что оказывается адекватным.

Распространенные предложения с комбинациями оценок могут формировать неопределённое авторское суждение, ср. (43)-(44):

(43) ...покойного мужа, веселого еврея-дантиста, человека с мелкими, но заметными недостатками и большими, но глубоко скрытыми достоинствами.

她丈夫是一位快活的犹太人、牙科医生, 具有十分

Её муж есть один CLF весёлый AUX еврей, дантист, обладает очень
突出的小缺点和隐藏得很
заметными AUX мелкими недостатками и скрытыми AUX очень
深的大优点.

глубоко AUX большими достоинствами (букв.).

Улицкая как бы отказывается выносить окончательное суждение, предоставляя читателю самому решить, что важнее для итоговой оценки — мелкие недостатки или глубокие достоинства. Перевод бережно сохраняет эту неопределенность.

(44) Старый Харлампий по мере рождения внуков слабел, добрел и утратил к концу жизни вместе с богатством даже образ властного, жесткого и талантливого купца.

老 哈尔兰皮的 孙儿孙女 越来越多, 身体则 越来越

Старый Харлампий AUX внуквнучка всё больше, тело же всё
虚弱, 心地也变得善良起来, 到了
слабее, душа и становится AUX доброй AUX, достигаетAUX

晚年，不但丧失了钱财，连原来
 преклонного возраста, не только теряет АUX богатство, даже бывший
 那个专横、强硬、精干的商人的影子
 тот АUX властный, жесткий, талантливый АUX купец АUX образ
 也丢光了。

и утрачивается АUX (букв.).

В текстах (43)-(44) использован ряд оценочных лексем, таких как *весёлый, добрый, властный, жесткий и талантливый*, сопоставляемых между собой. Например, мелкие но заметные недостатки сопоставляются с большими но глубоко скрытыми достоинствами; слабый и добрый старик представляет контраст властному и талантливому купцу. При этом оценочный смысл выводится из «картины мира» человека, и образы мужа Медеи и Харлампия формируются индивидуально у каждого читателя. Не случайно литературоведы отмечают, что к своим оценкам Улицкая часто привлекает читателя, специально не вынося эксплицитных суждений (Григорь 2012). Эта недосказанность не всегда присутствует в китайских вариантах текста.

3.4 Некоторые особенности передачи оценки в китайском переводе

Оказалось, что на уровне номинации для китайского перевода характерно более эксплицитное выражение оценочного значения по сравнению с оригиналом. Ср. (45)-(47):

(45) Он догадался, что у нее прекрасные манеры.

想必这才叫 训练 有素、 举止 良好.

Наверное это только называют [подготовленным быть хорошо], [манеры хорошие] (букв.).

(46) Теперь они с Георгием обсуждали подводку воды.

现在他在跟格奥尔吉 无精打采 地 讨论如何把水引来.

Теперь он с Георгием [не в духе] АUX обсуждает как воды вести (букв.).

(47) От отца она унаследовала честолюбие, а от матери – красивый нос.

塔尼娅继承了父亲的虚荣心和母亲的 美 貌.

Таня унаследует АUX отец АUX честолюбие и мать АUX красивое лицо (букв.).

В этих примерах отмечаются усилители оценочного значения. Они появились в китайском переводе либо как дополнительный однородный член — синоним русского выражения, см. 训练有素 *сюнь лян ю-су* ‘быть хорошо подготовленным’ в (45); либо как дополнение, добавленное переводчиком на основании контекста, см. наречие с отрицательной оценкой 无精打采 *у цзинь да цай* ‘не в духе’ в (46). В (47) двусложное существительное 美貌 *мэй мао* ‘красивое лицо’ употребляется вместо словосочетания *красивый нос*, но не приводит к неадекватности.

Есть и противоположные примеры. Так, в китайском языке обнаруживается недостаток в

обозначении превосходной степени прилагательных типа *милейший* и *симпатичнейший*, ср.(48)-(49):

(48) Милейший Александр Григорьевич.

可爱的 亚历山大·戈里高里也维奇.

Милый AUX Александр Григорьевич (букв.).

(49) Появился симпатичнейший геолог.

又来了个 非常 讨人喜欢的 地质学家.

Ещё приходит AUX CLF очень симпатичный AUX геолог (букв.).

Как видно, в обоих примерах простая превосходная степень положительных прилагательных либо передается без указания степени сравнения, см. 可爱 *кэ-ай* 'милый'; либо проявляется не в полной мере, см. 非常讨人喜欢 *фэй чан тао жэнь си хуань* 'очень симпатичный'. С учётом контекста это не влияет на выражение оценки и возможно в примерах с положительной оценочной коннотацией, как уже отмечалось ранее.

Как отмечает В. Е. Багно, «подлинно адекватный перевод, попадая в контекст иной национальной литературы, сохраняет как основной состав понятийных инвариантов, так и национальное своеобразие» (Багно 2016: 83). Поэтому в китайских переводах иногда применяются специфические структуры, которым нет соответствия в русских оригиналах. Речь идет об оценочных конструкциях китайского языка в примерах (50)-(51):

(50) Что же я, как полный придурок.

我这个十足的 傻帽儿...

Я этот CLF полный AUX придурок (букв.).

В (50) конструкция «NP1+ 这 *чжэ* 'этого'+ 个 *гэ* CLF+NP2»⁷ предназначена для выражения отрицательной оценки (Чжан Синьхуа 2005). В русском языке эта структура обозначена приложением к подлежащему.

(51) Хорош маскарад!

好 一个 假面具 呀!

Хороша одна CLF маска AUX! (букв.).

В (51) применяется конструкция «好 *хао* 'хорош'+ 一 *и* 'один'+ 个 *гэ* CLF+NP»⁸ (Ван Ган, Чэнь Чанлай 2018) для передачи негативного отношения, что в полной степени соответствует русскому предложению как по иронической коннотации, так и по синтаксической структуре, однако сам способ выражения оценки встраивает эти конструкции в китайский культурно-языковой контекст.

4. Заключительные замечания

⁷ В формуле «NP1» означает объект оценки, «NP2» — класс, к которому относится объект оценки.

⁸ В формуле «NP» означает объект оценки.

Наша работа представляет собой первый опыт сопоставления способов выражения оценки в русском и китайском языках на материале конкретного литературного произведения. Мы старались учитывать как индивидуально-авторские особенности романа «Медея и ее дети», так и специфические для каждого из языков способы выражения оценки. Роман «Медея и ее дети» касается зачастую болезненных для восприятия и интерпретации моментов российской истории, связанных с несправедливыми гонениями целых народов и общей жестокостью событий XX века. К этому примешивается и обычная для романа драматическая любовная коллизия, которая оканчивается самоубийством одной из героинь. Возможно, поэтому автор выбирает здесь не прямые средства выражения моральной оценки, как бы следуя тезису «нет плохих людей, есть плохие поступки». Оценка героев дается по сравнению с эталонным образом Медеи Синопли, которая изображается как добрый ангел семьи, её цементирующее начало, защитница гуманных идеалов.

Семантика оценки в русском языке представлена в виде функционально-семантического поля с лексико-синтаксическим ядром. Эксплицитное выражение оценки связано с употреблением специально окрашенной оценочной лексики — существительных, прилагательных, наречий и глаголов в предикативной позиции. Особые частицы и наречия других разрядов (например, наречия степени) могут усиливать или акцентировать эту семантику, оставаясь на периферии поля оценки. К периферии относятся также особые синтаксические структуры, в которых оценка выражается при взаимодействии с элементами контекста. В русском языке оценочная семантика может передаваться или усиливаться за счет словообразовательных средств, которые придают словам положительную или отрицательную коннотацию.

Как показал сплошной сравнительный анализ оценочных высказываний русского и китайского языков, переводчикам удастся почти во всех случаях адекватно передать заложенную в высказывании оценочную семантику. Наибольшие изменения происходят при переводе словообразовательных компонентов, которые переходят в лексические показатели китайского языка, а могут даже опускаться без ущерба для смысла (это обычно происходит при передаче градаций положительного признака). Переводчики интуитивно подменяют некоторые культурно-специфические эталоны оценки (ср. русск. *свинья*, которое в китайском оказалось переведено как *заячий сосунок*), стараясь вставить роман Улицкой в новый культурный контекст. Аналогичный эффект вызывает использование специфических для китайского языка оценочных синтаксических конструкций со специальными показателями единичности. Для выражения оценки в китайском языке вообще существенны показатели количества: индивидуализация, высокая мера признака или представление о чрезмерности чего-либо легко может лечь в основание оценки. Переводчик передает актуальную часть смысла конструкций, не до конца исчерпывая значение переводимого концепта или структуры.

Можно заметить также, что переводы более эксплицитно передают семантику оценки, часто добавляя оценочную лексику к нейтральным высказываниям оригинала, видимо, не надеясь на то, что имплицитная культурно-обусловленная оценочность окажется понятной читателю. Анализ средств выражения оценки в романе Л. Е. Улицкой показывает особенности коммуникации между автором и читателем, позволяющие автору ненавязчиво, без эксплицитного давления представить свою гуманистическую систему ценностей.

Литература

- Goldberg A.E. (2006), *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. New York.
- Thompson G, Hunston S. (2003), *Evaluation in text*. New York.
- Umbach C. (2014), *Evaluative propositions and subjective judgments*. Berlin: ZAS. URL: <http://www.zas.gwz-berlin.de/umbach.html?&L=1> (Дата обращения: 26.02.2020).
- Арутюнова Н.Д. (1984) Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики, 1982. / отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1984. С. 5-24.
- Багно В.Е. (2016), «Дар особенный»: Художественный перевод в истории русской культуры. М.
- Бондарко А.В. (2011), Категоризация в системе грамматики. М.
- Ван И-лин (2018), Оценочная конструкция с отрицательным элементом «не такой, чтобы...» в русском языке. // Матер. докл. и сообщ. XXIII международной научно-методической конференции «Изучение и преподавание русской словесности в эпоху языковой глобализации» (г. СПб., 30 марта 2018 г.) / Ред. сборника Н.Т. Свидинская, Т.А.Налимова, Н.Ю. Романова, М.А. Шахматова. СПб.: ФГБОУВО «Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна». 2018. С. 8-11.
- Ван И-лин (2019), Оценочная конструкция с элементом обоснования типа «Это мне не по плечу» в русском языке. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. №. 16 (1). С. 33-37.
- Ван Сяо-цзюнь (2010), Система средств и способов выражения субъективно-модальных значений в русском и китайском языках: автореф. дисс. ... к. филол. н. Белгород.
- Вендина Т.И. (1997) Семантика оценки и её манифестация средствами словообразования // Славяноведение. 1997. № 4. С. 41-48.
- Виноградов В.В. (1947/1986), *Русский язык (Грамматическое учение о слове)* / под ред. Г.А. Золотовой. М.
- Воейкова М.Д., Пупынин Ю.А. (1996), Предикативная качественность. // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. / А.В. Бондарко.

СПБ.: Наука. С. 53-65.

- Вольф Е.М. (1985/2014), Функциональная семантика оценки. М.
- Григорь С.А. (2012), Повествовательные стратегии в прозе Л. Улицкой. Автореф. дис. канд. филол. наук. Саратов.
- Золотова Г.А. (1982), Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.
- Литературный клуб. Людмила Евгеньевна Улицкая. (Электронный ресурс) URL: <http://www.ulickaya.ru/content/view/1271/> (Дата обращения: 26.02.2020).
- Маркелова Т.В. (2013), Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М.
- Погорелова С.Д., Яковлева А.С. (2012), Основные языковые средства выражения оценочного значения (на примере политических речей Отто фон Бисмарка) // Филологические науки в России и за рубежом: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. СПб, февраль 2012 г.) / Под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. СПб.: Реноме, 2012. №. 6. С. 162-165.
- Санников В.З. (2015), Об оценочных сложноподчиненных предложениях в русском языке // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2015. Том 74. № 6. С. 42-60.
- Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. (2014), Конструкции с оценочными предикатами в русском языке: участники ситуации оценки и семантика оценочного предиката // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 2. Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Ред. тома С.С. Сай, М.А. Овсянникова, С.А. Оскольская. СПб.: Наука, 2014. С. 443-477.
- СЭС (2003), Стилистический энциклопедический словарь / Под ред. М.Н. Кожинной. М.
- Тимина С.И. (2003), Ритмы вечности. Роман Л. Улицкой «Медея и ее дети» // Русская литература XX века в зеркале критики / Сост. С.И. Тимина, М.А. Черняк. М. : Академия. С 537-549.
- ФСРЯ (2008), Фразеологический словарь русского языка / Д.Э. Розенталь, В.В. Краснянский. М.
- Цун Я-пин (2016), Слова с эмоционально-оценочной коннотацией в русском и китайском языках. Мир русского слова. СПб.: 2016. №. 3. С. 15-19.
- Чжао С. Л. (2019), Улицкая в китайской русистике: причины популярности, аспекты изучения // Филология и человек, № 1. С. 155-163. URL: <http://journal.asu.ru/pm/article/view/5287>.
- Шведова Н.Ю. (2003), Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.
- Ван Ган, Чэнь Чан-лай (王 刚, 陈昌来) (2018), “好 (一) 个 X” 的历时发展、构件语义及承继关系 [Развитие, семантическая ориентация компонента и наследование конструкции

- «*hao u-zэ X*»]. // 汉语学习 [Изучение китайского языка]. Яньбянь: 2018. №. 4. С. 21-28.
- Ван Ли (王力) (1985), 中国现代语法 [Современная грамматика китайского языка]. Пекин.
- Ван Минь-фэн, Цуй Си-лян (汪敏锋, 崔希亮) (2020), 列举格式“VP 啊”的主观情感立场与时间认知 [Субъективная модальность и временное познание счетной конструкции «VP+a»]. // 世界汉语教学 [Обучение китайскому языку в мире]. Пекин: 2020. №. 1. С. 32-43.
- Ван Чжи-ин (王志英) (2012), 副词“瞎”的预设否定功能及其成因 [Пресуппозиция китайского наречия *ся*: его функция отрицания и причина]. // 语言教学与研究 [Обучение языкам и лингвистические исследования]. Пекин: 2012. №. 1. С. 52-59.
- Гао Мин-кай (高名凯) (1986/2011), 汉语语法论 [О китайской грамматике]. Пекин.
- Ли Сянь-инь (李先银) (2012), 容器隐喻与“有+抽象名词”的量性特征——兼论“有+抽象名词”的属性化 [Количественная характеристика конструкции «*ю+N*» и ее правильное использование на основе метафоры контейнера]. // 语言教学与研究 [Обучение языкам и лингвистические исследования]. Пекин: 2012. №. 5. С. 78-85.
- Ли Ин-нань, Инь Чэн (李英男, 尹城) (1999), 美狄娅和她的孩子们 [Медя и её дети]. Пекин.
- Лю Цзинь (刘缙) (1993), 谈词的褒贬义与构词语素义之关系 [О связи между лексическим оценочным значением и значением словообразовательных морфем]. // 中国人民大学学报 [Вестник Китайского народного университета]. Пекин: 1993. №. 4. С. 71-77.
- Люй Шу-сян (吕叔湘) (1942), 中国文法要略 [Краткий очерк по китайской грамматике]. Пекин.
- Сяо Я-вэнь (肖雅文) (2015), 现代汉语评价类动词考察 [Оценочные глаголы в современном китайском языке]: дисс. ... к. филол. н. Шанхэй.
- Тао Шуан (陶双) (2013), 现代汉语“好”族词的情态研究 [О модальности слова *hao* в современном китайском языке]: дисс. ... к. филол. н. Чжэцзян.
- У Го (武果) (2009), 副词“还”的主观性用法 [Субъективное использование наречия *хэй*] // 世界汉语教学 [Обучение китайскому языку в мире]. Пекин: 2009. №. 3 С. 322-333.
- Фэн Ли, Чэнь Юй (冯莉, 陈瑜) (2019), 主观评价构式“算(个)什么 X”研究 [Оценочная конструкция «*считаться (э) каким X*»]. // 哈尔滨学院学报 [Вестник Харбинского университета]. Харбин: 2019. №. 10 (40) С. 106-109.
- Чжан И-шэн (张谊生) (2017), 从相对到绝对: 程度副词“最”的主观化趋势与后果 [От относительного к абсолютному: субъективность наречия степени *цзуй*]. // 语文研究 [Лингвистические исследования]. Шаньси: 2017. №. 1. С. 18-25.
- Чжан И-шэн (张谊生) (2019), “很/太+名/动”的形化模式与演化机制及其表达功用——兼论程度副词在相应组配中的四种功用 [Режим адъективизации и механизм эволюции и выразительная функция «*хэнь/тай+существительное/глагол*» — о четырех функциях

- наречий степени в соответствующих сочетаниях]. // 汉语学习 [Изучение китайского языка]. Яньбянь: 2019. №. 5. С. 3-13
- Чжан Синь-хуа (张新华) (2005), “你这个 NP !”的表达功能研究 [Конструкция «*ни чжэ ээ NP!*» со значением упрёка]. // 世界汉语教学 [Китайское обучение в мире] Пекин: 2005. №. 4 (74). С. 79-85.
- Чжоу Цзянь (周荐) (1985), 试论词的感情色彩及其构成方式 [Об эмоциональном колорите лексики и его образовании]. // 天津社会科学 [Тяньцзиньские общественные науки]. Тяньцзинь: 1985. №. 3. С. 76-80.
- Чжан Чжи-гун (张志公) (1996), 修辞概要 [Общее знание о стилистике]. Пекин.
- Шао Цзин-минь (邵敬敏) (2016), 论汉语形容词重叠与变量的关系 [Взаимосвязь между редупликацией прилагательных и переменной]. // 中国语言学报 [Журнал китайского языкознания]. Пекин: 2016. №. 17. С. 1-11.
- Шао Цзин-минь (邵敬敏) (2007), 论“太”修饰形容词的动态变化现象 [Динамическое изменение прилагательных с наречием *тай*]. // 汉语学习 [Изучение китайского языка]. Яньбянь: 2007. №. 1. С. 3-12.
- Юань Юй-линь (袁毓林) (1987), 关于动词对宾语褒贬选择 [О употреблении глаголов с дополнением с оценочным значением]. // 汉语学习 [Изучение китайского языка]. Яньбянь: 1987. №. 3. С. 8-9.
- Ян Цзя-шэн (杨家胜) (2012), 俄汉语评价功能语义对比说略 [Функционально-семантическое сопоставление оценки в русском и китайском языках]. // 俄罗斯语言文学与文化研究 [Изучение русского языка, литературы и культуры]. Хэйлунцзян: 2012. №. 35. С. 31-38.

<Abstract>

**Means of expression of evaluation in Russian and Chinese languages based on the novel
“Medea and her children” by L. Ulitskaya and its translation into Chinese**

Voeikova M. D., Wang Yi.

In accordance with the principles of A.V. Bondarko's Functional Grammar, we describe the system of means to express evaluation used in Russian and Chinese languages and compare the implementation of these systems in parallel literary texts. The evaluation semantics in Russian is presented in the form of a functional-semantic field with a lexical-syntactic core. An explicit expression of evaluation is associated with the use of words that elicit an evaluative meaning (either positive or negative) in a predicative position. The implicit methods for expressing evaluation include special syntactic structures and narrative fragments, in which the evaluation is reflected in interaction with the context.

At the same time, quantitative indicators are essential for expressing evaluation in Chinese, such as individualization and a high level of measurement of an attribute. It is concluded that translations more explicitly convey the evaluation semantics, appending evaluative words to neutral statements used in the Russian original.

<Keywords>

Semantics of evaluation, explicit and implicit expression, construction, the comparative approach